

Волотовское подполье

* * *

Летом 1982 года вышла в свет документальная повесть В. М. Лукина «Подполье возглавил Васякин». Отдельные ее главы были опубликованы в 1980—81 годах в газете «Вперед». После выхода в свет книги автор приезжал в Волот, Славитино и Соловьево, где встречался с читателями и очевидцами описанных в книге событий. В настоящее время ему уже пришлось от родственников подпольщиков, партизан и спасенных подпольщиками красноармейцев более ста пятидесяти писем. В них сообщаются и новые факты деятельности подпольщиков и

волотовских партизан, уточняются отдельные события, а также присылаются фотографии героев тех дней.

Сегодня мы начинаем публиковать новые и уточненные главы из повести В. М. Лукина, которую он готовит к переизданию.

Если у кого-либо из читателей имеются фотографии, документы о волотовских подпольщиках и партизанах или будут какие-либо замечания, добавления, уточнения, автор просит поставить его об этом в известность и заранее благодарит.

* * *

...Райцентр Волот. Неказистые улочки с одноэтажными домиками. Через поселок проходят железная и шоссе, и Дорога. По шоссе на восток в сторону Старой Руссы толпами движутся беженцы, навстречу им — красноармейцы на машинах и в пешем строю.

Райком партии. В кабинете первого секретаря идет заседание бюро. За массивным столом, покрытым зеленым сукном, — первый секретарь Анисимов, за приставленным к его столу другим столом сидят члены бюро, работники райкома. Всего человек двенадцать.

— Да!.. Здравствуй, где ты? В райвоенкомате? — говорит в телефонную трубку первый секретарь. — Хорошо, буду, — и, посмотрев на часы, добавляет, — минут через тридцать-сорок. Хорошо?

Он кладет трубку, и, обращаясь к своему помощнику, спрашивает:

— Кто у нас следующий?
— Председатель колхоза «Красный путь» Арсентьев.
— Пусть входит.

Помощник секретаря выходит за дверь и сразу же возвращается с низкорослым, коренастым мужчиной лет 35. — Михаил Семенович, — спрашивает вошедшего Анисимов, — как идут дела в колхозе?

— Дойное стадо уже погнали на восток. Сено продолжаем заготовлять. Готовимся к уборке урожая.

— Кому доверили стадо?
— Моему заместителю по животноводству, коммунисту Панфилову.

— А вдруг фашисты придут в район. Как вы думаете лично поступить?

— Мое место на фронте. Готов хоть сейчас...

— А если мы вам предложим партизанить?

— Можно и партизанить. Договоримся так. Вы сейчас возвращаетесь в колхоз и продолжайте работать. Вещмешок же, на всякий случай, со всем необходимым приготовьте. Когда потребуются, мы придем за вами связного. Все понял?

— Да.

— Тогда идите, — и, обращаясь к помощнику, Анисимов спросил: — Кажется все?

— Нет, просят принять по личным вопросам. Уполномоченный «Лензаготторга» Мановский и учительница Ефремова.

Посмотрев на часы, Анисимов говорит: — Ладно, примем.

В кабинет вошел Мановский, мужчина лет шестидесяти, высокий, тучный.

Обращаясь к вошедшему, Анисимов спрашивает:

— Что вы хотите, Петр Иванович?

— Прошу зачислить меня в партизанский отряд или дать иное поручение на случай прихода гитлеровцев в район. — Помолчав, добавил: — В гражданскую мне пришлось партизанить, думаю, и сейчас пригожусь...

Секретарь внимательно посмотрел на Мановского, словно

взвешивая все «за» и «против», с сочувствием ответил:

— Возраст у вас, Петр Иванович, уж очень солидный, да и здоровье неважное. Тяготы партизанской жизни уже будут не по плечу. Но мы понимаем вас и учтем ваше пожелание. А сейчас мы недовольны ходом эвакуации скота из района. В этом есть и ваша вина. Постарайтесь ускорить дело.

— Понял. Приму меры. Спасибо, что не отказываете... — пятясь к двери спешной, пробормотал Мановский.

В кабинет вошла учительница Татьяна Ефремова, двупика лет двадцати, ладная, красивая. Обращаясь к Анисимову, волнуясь, заговорила:

— Я комсомолка, живу в Должино, работала учительницей в Порховском районе. Там сейчас фашисты. Прошу райком рекомендовать меня на фронт медсестрой. Курсы я окончила.

— В райвоенкомате были?

— спросил Анисимов.

— Да. Там сказали, что не могут взять, нет указаний...

— А что скажет комсомольский секретарь? — спросил Анисимов сидевшего за столом интеллигентного вида парня.

— Мы хорошо знаем комсомолку Ефремову. Она надежный, дисциплинированный товарищ. Райком комсомола готов поддержать ее просьбу о направлении в армию.

— А партизанить вы бы пошли? — спросил Анисимов у девушки.

— Да, — без колебаний ответила та.

— Раз секретарь райкома комсомола рекомендует, мы тоже вас поддержим. А пока идите в райвоенкомат. Я тоже туда скоро приду. Посвеемся с военкомом.

... Лицом к площадке стоит широкий деревянный одноэтажный дом райвоенкомата. Возле здания толпятся люди. Кого призывают в армию, кто просится на фронт добровольцем. Много провожающих. Женщины плачут, прижимая ребятишек к себе. Где-то звучит гармонь.

К райвоенкомату через толпу пробивается Анисимов, встретив на пути Татьяну Ефремову, говорит:

— Подождите здесь. Потренируетесь — пригласим.

В дверях его встретил офицер райвоенкомата, повел в глубь здания. Открыв дверь одного из кабинетов, пропустил вперед секретаря райкома, сам же вернулся к входу в райвоенкомат.

В кабинете Анисимова встретил Васякин. Поздоровались за руку как старые знакомые.

— Ну как с районом понакомился? — спросил Анисимов.

— Да. И на работу устроился, как договорились. Живу в Славитино.

— Как, по-моему, центр подполья в Волоте создадим?

— Я против.

— Почему?

— Слишком мал поселок. Фашисты, если придут сюда, непременно в нем расположат свои гарнизоны, комендатуру,

полицию, склады и все другое. Рядом лесов почти нет. Держать с вами связь будет очень трудно.

— А что ты предлагаешь?

— Я бы сместил центр организации в южную часть района, в Славитино или Должино. Это крупные села. Кругом лес. Да и люди надежные есть. А, главное, партизанский отряд был бы рядом.

— Пожалуй, ты прав, согласился Анисимов.

— В Волоте же мы оставили бы своих людей, — продолжал Васякин. — С Павловым я разговаривал, думаю, подходящая кандидатура. Кого еще можешь порекомендовать?

— Да вот только что прислался в партизанский отряд уполномоченный «Лензаготторга» Мановский, партизан гражданской войны. Кстати, он из Поддорского района. Ты с ним не знаком?

— Нет. И ничего о нем не слышал. Верно, когда здесь оформлялся на работу в село, в кабинете председателя был и Мановский. Он интересовался моими документами. Даже посочувствовал моему «падению» с бухгалтерда от счетовода. Но мне он не понравился: какой-то отблекаемый. А как он в Волоте оказался?

— Порекомендовали его нам в прошлом году. С небезвезд не хватает, но и претензий к нему нет. Верно, общественной работы сторонится, все на здоровье ссылается, да и выпить мужик не промах...

— Нет, таких нам не надо. Лучше подберем кого-либо из местных. Это надежнее.

В это время в коридоре послышалась какая-то возня, дверь с шумом распахнулась, и в комнату ворвался молодой человек лет двадцати пяти, среднего роста, широкоплечий, с литой широким борца, в белой рубашке и черных брюках, запроваженных в хромовые сапоги.

Увидев Анисимова, он горячо и быстро заговорил:

— Что же это делается, товарищ секретарь? Здорового парня в армию не берут. Ждите, говорят, а фашисты-то уже рядом...

Дверь снова распахивается, торопливо входит офицер военкомата, берет за руку парня и пытается вывести его из комнаты. Но тот уперся и не отступает. Офицер строго его отчитывает:

— Немков! Ты что хулиганишь? Сказано, придет твой черед — призовем...

— Да не могу я ждать, фашисты уже рядом. Жевать надо, а не ждать!

Вмешался Анисимов:

— Немков, тебе же русским языком говорят: придет время, и ты будешь в армии.

Парень хотел еще что-то сказать, но, махнув рукой, разочарованный пошел к двери.

Оставшись вдвоем, Анисимов спросил у Васякина: — С руководителем Должинской подпольной группы познакомился?

(Продолжение следует)

Волотовское подполье

(Начало в № 27)

— Нет, еще не успел.

— Кстати, Иванов здесь около военкомата, я сейчас тебя с ним познакомлю.

Анисимов вышел из комнаты и вскоре вернулся с мужичиной лет тридцати семи, среднего роста, одетого просто, но не по-крестьянски.

— Знакомьтесь, — представил вошедшего Васькину Анисимов.

Павел Афанасьевич внимательно посмотрел на вошедшего, на его лице появилась довольная улыбка, здороваясь за руку с Ивановым, проговорил:

— А мы уже, оказывается, знакомы. Несколько лет назад встречались на курсах учителей. Как, Александр Иванович, не забыли?

— Что вы, Павел Афанасьевич, разве то время забудешь.

— Вот и отлично, что вы уже знакомы, — сказал Анисимов и спросил у Иванова: — Вы, как руководитель подпольной группы, кого намерены вовлечь в ее работу?

— Я живу в Больших Гривах, здесь у меня есть надежные люди. Это колхозники Руфкин Иван и Иванов Игнат, в Должино же думаю привлечь учительницу Васильеву Нину Павловну и заведующую почтовым агентством Немкову Анну. Все они беспартийные, но надежные советские люди.

— Со мной в сельпо работает бухгалтером Василий Еремеев из Должино, — заговорил Васькин. — Как, по-вашему, выйдет из него подпольщик?

— Да. Но у меня с ним нет близких отношений, трудно будет вести разговор.

В. Ф. Еремеев окончил всего четыре класса, был беспартийным, но пользовался очень большим уважением у односельчан за трезвый ум, доброжелательность, крестьянскую смекалку. Не случайно, когда в Должино создали сельхозартель, крестьяне единодушно избрали его первым председателем. Затем он возглавил сельсовет, а перед оккупацией работал бухгалтером Славитинского сельского.

— Это мы возьмем на себя, — вмешался Анисимов.

— Кроме Еремеева, есть еще одна кандидатура по Должино — Татьяна Ефремова. Она настойчиво просит направить ее на фронт или в партизанский отряд. Что о ней скажете?

— Девушка эта мне хорошо знакома. Боевая, инициативная, решительная. Могу характеризовать ее лишь с положительной стороны.

— Хорошо. Мы с Павлом Афанасьевичем сейчас с ней побеседуем.

Иванов с Анисимовым вышли. Вскоре первый секретарь вернулся с Татьяной Ефремовой. Сели за стол.

— Ну, как, товарищ Ефремова, не передумали? — спросил ее Анисимов.

— Нет, товарищ секретарь. Прошу мою просьбу удовлетворить.

— А если вам будет предложено пойти в тыл к фланкистам, в разведку, вы пошли бы? — спросил у девушки Васькин.

— Об этом не думала, — неуверенно ответила Татьяна, а потом твердо добавила: — Но если требуется, конечно, пойду.

— Как, Павел Афанасьевич, может, уважим ее просьбу? — спросил Анисимов.

Васькин внимательно посмотрел на Татьяну, подумав, ответил:

— Мы постараемся учесть вашу просьбу. Ответ сообщим через день-два...

...Райцентр Волот. Гражданского населения не видно. По улицам катят немецкие грузовики, танки, ходят солдаты в зеленых шинелях. Звучит немецкая речь, слышны звуки губной гармонки, наигрывающей немецкие марши. В здании райисполкома разместились фашистская комендатура. В кабинете коменданта на стене портрет Гитлера, на столе телефоны. За столом сидит в кресле капитан тайной полевой полиции Геппарт. Перед ним на вытяжку стоит уполномоченный «Лензгаотторга» Мановский. По-военному четко докладывает:

— Агент Мановский прибыл по вашему приказу.

— Садитесь.

Мановский сел на стул, заискивающе смотрит на Ге-

ппарта.

— Кто из руководства районом оставлен для подпольной работы, вам известно? — спросил комендант.

— По-моему, никого, — ответил Мановский, но, увидев неодобрительный взгляд Геппарта, добавил: — Должен был остаться первый секретарь райкома Анисимов с партизанским отрядом, но все они отступили с Красной Армией на восток. Я сам это видел...

— Если эта так, то хорошо, — закуривая папиросу и предлагая это сделать агенту, небрежно стал говорить комендант. — Но имейте в виду — они могут еще и появиться в районе. Вы старший офицер-контрразведчик, в белой армии уже боролись против большевиков. Поэтому будем кратки. Немецкое командование назначает вас начальником Волотовской управы. Конечно, вы понимаете, что это лишь прикрытие. Главная ваша обязанность — выявлять и уничтожать оставшихся в районе партизан, подпольщиков, коммунистов, комсомольцев, депутатов и лиц, враждебно относящихся к новому режиму. С помощью карательного отряда и местной полиции будете систематически проводить в районе облавы, обыски, преследования местности. И если обнаружите человека, не проживающего в данной деревне, спрятавшее оружие, боеприпасы или найдете советские листовки, арестовывайте всю семью, в которой это обнаружено. Всех таких арестованных причисляйте к партизанам, их после допроса будем публично расстреливать.

— Понятно, — поддакнул Мановский.

— На вас также возлагается ответственность за создание гражданского полицейского отряда, подбора в деревнях старост, урядников и тайных агентов. Кого вы можете порекомендовать на должность начальника местной полиции?

— Молоткова.

— Кто он?

— Мой земляк. Отец раскулачен. Советская власть лишила его всего...

— Подходит. Действуйте. (Продолжение следует)

Волотовское подполье

(Начало в №№ 27, 28)

* * *

...Окраина деревни Славитино. На грунтовую дорогу, заросшую с боков ивами, вышел Васькин. Он осмотрелся, затем решительно пошел к лесу. Но когда поравнялся с кустарником, был остановлен резким окриком:

— Хальт!

Из-за куста к нему подошли два фашистских солдата с автоматами на груди. Один из них на ломаном русском языке спросил:

— Партизанен?

Васькин отрицательно покачал головой и, показывая на Славитино рукой, сказал: — Я иду из этой деревни.

Солдат, ощутив его одежду, спросил:

— Куда идешь?

— В соседнюю деревню. Разве нельзя?

Солдаты о чем-то между собой переговорили. Один из них зашел за куст, завел мотоцикл с коляской и помчался в Славитино. Вскоре вернулся со старостой деревни Сапожниковым.

— Этого человека знаешь? — спросил солдат у старосты.

— Да. Это счетовод сельпо Васькин, живет в нашей деревне.

— Вы как староста должны предупредить жителей, что хождение из деревни в деревню до особого распоряжения немецкого командования запрещено, — бесстрастно проговорил солдат и угрожаяще добавил: — Кто нарушит это распоряжение будет расстрелян. — Показав рукой на деревню, уже спокойнее сказал: — Можете идти.

Васькин с Сапожниковым пошли к деревне.

— Куда тебя черт понес? — спросил у Васькина староста.

— Грибков хотел к ужину принести.

— Придется с грибами повременить, — посоветовал староста — сейчас все дороги патрулями перекрыты. Того и гляди пулю схлопочешь.

В деревне Васькин попрощался со старостой. Заметив в поле около леса стадо коров и пастуха, остановился, подумал и направился туда. Подошел к старику, пасшему скот, поздоровался, угостил махоркой. Закурили.

— Фашистов в лесу не видел? — спросил Васькин.

— Нет. А что?

— Да вот хотел в соседнюю деревню сходить, остановили на дороге, приказали вернуться.

— А ты по дороге не ходи, а лесом. Они туда нос не суют.

— Спасибо. Попробую, — сказал Васькин и вошел в лес.

Лесная тропка к Должино была знакома.

...В боковой комнате дома Василия Федоровича Еремеева его уже ждал Александр Иванович Иванов — руководитель Должинской подпольной группы.

Васькин поздоровался с ним за руку. Иванов сразу же с тревогой в голосе спросил:

— С Анисимовым и районным партизанским отрядом связь налажена?

— Пока еще нет, — сдвинув брови, ответил Васькин.

— Сам не пойму, что с нами... Провала не должно

быть. Ходит слух, что истребительный батальон, из которого должен быть создан районный партизанский отряд, влился в ряды Красной Армии и с ней отступил на восток. — И обнадеживающе добавил: — Ничего, скоро точно все узнаем. В лесу я случайно встретился с партизанами. Комиссаром у них Орлов, секретарь Порховского райкома, мой хороший знакомый. Он обещал узнать и об Анисимове, и о нашем партизанском отряде. Связь у них с обкомом партии имеется... Ну, а у вас здесь как идут дела?

— Воззвание руководителей обороны Ленинграда проследуем распространять. Народ активно на него откликается. Многие наши парни ходят на поле боя, ищут оружие. Просят подсказать, куда идти, чтобы влиться в партизанский отряд. Что я могу им порекомендовать, Павел Афанасьевич?

— Да-а, трудное у нас сейчас положение, — в раздумье заговорил Васькин. — До выяснения обстановки пусть воздержатся от боевых операций. Оружие же нужно продолжать искать. Днем вместе со всеми выходить на полевые работы, используя это для сбора сведений об гитлеровцах. А вот ночью можно собираться группами, уничтожать линии связи, поджигать фашистские склады, распространять листовки. Я думаю, дня через два-три у нас все прояснится. Тогда и решим, как быть дальше с новыми партизанами.

* * *

...Солнечный августовский день. В стороне от деревни Поглаздово виднеется высокое, просторное гумно с соломенной крышей. Ворота его распахнуты настежь. Около них — амбарные весы, в тени на соломе лежат четверо немецких солдат. К гумну подъезжает подвода, груженная мешками с зерном. Возница-крестьянин лет шестидесяти останавливает коня около весов. Два солдата нехотя встают с соломы, ощупывают мешки, затем один из них показывает вознице рукой на весы. Тот молча сгрузил мешки. Солдат, поглядев на весы, что-то записал в тетрадь и приказал крестьянину: «Разгружай!»

Гора зерна в гумне растет, подступает к воротам, а подводы все подъезжают.

Из кустов за всем происходящим у гумна наблюдает мужчина. Понаблюдав некоторое время, Арсентьев, председатель колхоза «Красный путь», а это был он, осторожно отступил за кусты и пошел в глубь леса.

Михаил Семенович Арсентьев долго ждал связного от секретаря райкома Анисимова, чтобы уйти в лес партизанить, но так и не дождался. Тогда он попытался связаться с партизанами сам, но в лесу их не нашел. На поле же боя он подобрал и спрятал несколько винтовок и гранат. Решил партизанить пока в одиночку. Прочитав расклеенные подпольщиками листовки, которые призывали крестьян прятать хлеб, а фашистские склады с зерном уничтожать, решил не допустить вывозки хлеба с Поглаздовского гумна.

(Продолжение следует.)

Волотовское подполье

(Начало в №№ 27-29)

* * *

..Ночь. Кругом тишина. Но вот из леса бесшумно вышел человек. Это Арсентьев. В руках у него винтовка. Он огляделся и подошел к гумну. Потрогав увесистый замок на воротах, обошел строение, вынул из кармана коробок со спичками, чиркнул одну и поднес к соломе, лежащей у стены.

«Пусть лучше сгорит, чем достанется господам оккупантам», — с ненавистью подумал он.

Пламя, пожирая солому, стало быстро расти. Арсентьев побежал к лесу, на опушке оглянулся. Огонь уже охватил стену и стал лизать крышу. В деревне кто-то ударил в пожарный колокол, раздался выстрел, послышались крики, команды на немецком языке. А пламя уже мощно полыхало над всем гумном...

Павел Афанасьевич спросил у Немкова:

— Как раненые, поправляются?

— Родионова можно уже отправлять к партизанам, а вот Филькова еще рановато.

— А какая профессия у Родионова?

— Говорит, что он шофер, работал и трактористом, кроме того, — радиолюбитель.

— А отремонтировать радиоприемник сумеет?

— Не знаю. Надо спросить.

— Вот какое дело, — продолжал Васькин, — мне как-то Нина Павловна говорила, что в школе в физкабинете имеется старый неисправный радиоприемник. Нужно бы его оттуда вынести и наладить. Это бы нам позволило самим принимать и распространять свежие сводки Совинформбюро. Понял?

— Конечно. Постараемся это сделать.

— И еще вот что: как только немецкие солдаты уйдут из деревни, хорошо бы Родионова от Грунтовых переселить к Еремееву под видом родственника. Сейчас новые власти поощряют открытие всякого рода лавочек и мастерских. Было бы очень хорошо, если бы Еремеев с Родионовым открыли мастерскую по ремонту, скажем, примусов, кастрюль и так далее. Обмозгуйте все это с Еремеевым, если план удастся осуществить, то у нас будет где ремонтировать неисправное оружие...

Василий Федорович Еремеев, высокий, крепкий мужчина лет сорока пяти, сложив в мешок только что испеченный женой хлеб, пакет с солью, кусок свиного сала и мешочек с горохом, сказал жене:

— Вот что, Катюша, я сейчас с Сашей Немковым уйду в соседнюю деревню. Возможно, задержусь. А ты после обеда посматривай-ка вон на те кусты, — и он указал на деревья за огородом. — Если выйдешь в огород и заметишь, что они начнут качаться, отнеси этот мешок за огород и поставь у изгороди.

— А я думала, что на неделю хлеба напекла. Дусенька — то целый день на жерновах муку молола...

— Ты не огорчайся, — успокоил ее муж. — Мы дома. Завтра напечем сколько нам нужно. Я помогу молотье. А партизанам в лесу, сама

понимаешь, зимой без еды хуже некуда...

— Ладно уж. Все сделаю. Только бы староста или еще кто не заметили.

— А ты посматривай по сторонам — то. Если с мешком застанут, говори, что хочешь припрятать на черный день...

.. Вечером, вернувшись домой, Василий Федорович сразу же спросил у жены:

— Отнесла?

— Да. А вот кто унес мешок, так и не заметила.

— Все правильно, но подсматривать было ни к чему. Следующий раз не делай этого.

.. Деревня Соловьево. В огороде крайнего к лесу дома высокий мужчина лет сорока пяти, держа левой рукой грабли, собирал картофельную ботву в кучки. Правый рукав его старенького в заплатках пиджака болтался пустым.

К изгороди со стороны леса подошел Васькин, негромко окликнул:

— Захар Степанович!

Мужчина оглянулся, увидев Васькина, положил грабли на землю, прихрамывая, подошел к нему и торопливо полусогнувшись заговорил:

— Павел Афанасьевич, в нашей деревне полицейский отряд. Я, как мы с вами и договорились, поставил шест к сараю.. Неужели не заметили?

— Конечно, заметил. Спасибо! Поэтому и в деревню не зашел. Отойдите за баню. Поговорить надо.

Захар Степанович отодвинулся в заборе две доски, неуклюже пролез в дыру. Сел на бревно, закурили.

— Чем занимаются полицейские? — спросил Павел Афанасьевич.

— Пьянствуют, да грабят. А их начальник вчера на сходке спрашивал, не видел ли кто счетовода Славитина кого сельпо Васькина.

— Ну и что?

— А в деревне вас почти никто и не знает, а кто и встречал в сельпо, говорят Молоткову, что никогда такого не видели...

— Да, с этим иудой мне встречаться опасно, — продолжал Васькин и снова спросил: — Что вы можете сказать об Иване Аверьянове и Романе Карпукхине из вашей деревни?

— Два друга. Куда один, туда и другой. Аверьянов верховодит. Ему под пятьдесят. Шестеро ребятишек. Умный, волевой, дельный колхозник.

— А можно ли им доверять? Ну, скажем, привлечь к работе по сбору продуктов для партизан?

Степан Захарович затаился цигаркой, внимательно посмотрел Васькину в лицо и твердо ответил:

— Конечно, можно. Они наши, советские люди. Но хочу предупредить, что про Аверьянова ходит слух, мол, он когда-то выступал против коллективизации и Советской власти. Это — ложь!

— А может, слух имеет под собой почву?

— Нет. Я в то время уже жил здесь. Аверьянов из батраков. Если бы все болели за артельное дело и трудились, как он, наш колхоз был бы лучшим не только в сельсовете, но и в области.

(Продолжение следует.)

Волотовское подполье

(Прод. Нач. в №№ 27—30.)

А вот критиковать председателя колхоза за бесхозяйственность он не стеснялся, по видимому, и слух этот пустил кто-то из приближенных председателя. Да, может, услышите что плохое и о Романе Карпухине, тоже не торопитесь верить. Я давно к нему присматриваюсь. Правильный парень. А вот его отца — Егора и старшего брата — Василия остерегайтесь. Егор был раскулачен, затаил обиду на Советскую власть и сейчас выслуживается перед фашистами. Василий дезертировал из Красной Армии, вступил в полицию. А вот младшие Карпухины ненавидят фашистов. Это точно. Ефим командует ротой в Красной Армии, уже имеет боевые награды, Роман, которым вы интересуетесь, установил связь с партизанами, снабжает их продуктами. Думаю, не сегодня, так завтра к ним уйдет. Васятка — еще пацан, но тоже за нашу власть...

— Значит, в Соловьеве создадим подпольную ячейку. С Аверьяновым и Карпухиным в принципе я договорился...

— А что будет делать ячейка?

— Во-первых, мосты, которые сейчас строятся, должны быть уничтожены. И так, чтобы фашисты не напали на след тех, кто это сделает. Во-вторых, нужно организовать сбор и заготовку продуктов для партизан. Е-третьих, прощупать молодежь, наиболее патристически настроенных будем переправлять в партизанские отряды или использовать в деревне для сбора продуктов и доставки их партизанам...

— Понятно. Жаль, мои возможности ограничены, — с тоской проговорил инвалид и, погладив протезы, добавил: — Если бы не ноги, ушел бы партизанить.

Замысел Васькина создать в Соловьево подпольную ячейку вскоре удался.

В дом к Еремеевым постучались. Василий Федорович открыл дверь, увидев Немкова и Родионова, приветливо поздоровался, провел в дом. Родионов огляделся. Посреди просторной комнаты стоял большой квадратный стол. На нем — колода потрепанных игральных карт, самовар.

— Садитесь, дорогие гости, — пригласил к столу хозяин и, обращаясь к Родионову, добавил: — Значит, Федор, решено. Мы с тобой от-

рываем мастерскую. Александр добудет тиски, навальню и кос-какой инструмент. Я думаю разместить ее в холодной боковой комнате.

— Правильно, — поддержал Еремеева Немков, — в ней два выхода, один в избу, другой прямо на улицу. Это очень удобно.

Вошла хозяйка. Поставив на стол чашки и чайник, она хотела уйти.

— Подожди, Катя, — остановил ее муж. — У нас будет жить вот этот парень — Федор Родионов. Если кто будет интересоваться, говори, что это мой племянник.

— Я поняла. Ты уже меня об этом предупреждал.

— А ты, Федор, — обратился к Родионову хозяин, — называй нас дядей и тетей.

На другой день Немков принес в комнату слесарные тиски, кусок толстого железного листа. Вместе с Василием Федоровичем отпилили от поваленного дерева толстый чурбан и, закатив его в комнату, поставили к окну.

— Ну вот, теперь можно идти к властям за разрешением открыть мастерскую, — удовлетворенно проговорил Еремеев.

Первое время Родионов ремонтировал во вновь открытой мастерской примусы, керосинки, патефоны, посуду. Но вскоре стали поступать заказы и на изготовление железных печек. Он стал частым гостем у многих жителей села. К нему привыкли и везде встречали как племянника Василия Еремеева, даже староста.

Однажды вечером, уже в сумерках в мастерскую вошел с мешком за плечами Немков. Перевернув мешок, он вытряхнул из него на пол два автомата, карабин, два нагана и пистолет «Вальтер», сказал:

— Все это надо как можно быстрее привести в порядок.

— Постараемся, — ответил Родионов и стал вместе с Еремеевым очищать от грязи и ржавчины оружие.

На другой день Еремеев с Родионовым приступили к ремонту оружия. Только разобрали автоматы, как в двери показалось испуганное лицо хозяйки.

— Полицай Леха Губан к нам идет, — прошептала она и скрылась за дверью.

(Продолжение следует.)

Волотовское подполье

(Прод. Нач. в №№ 27—31.)

Василий Федорович сбросил со стола на брезент разобранное оружие, завернув, побежал с ним на сеновал. Быстро спрятал в сене, вернулся обратно. Родионов же, взяв в руки большую кастрюлю, стал постукивать по ней пальцами, как бы раздумывая, как удобнее ее отремонтировать.

Вошел Леха Губан. С раздражением спросил:

— Чтой-то вы здесь мастерите?

— Ремонтируем что приносят, — ответил Еремеев.

Полиций осматрел комнату, приподнял уже отремонтированный примус, поставил его на место, крутнул ручку неисправного патефона.

— Разрешение на открытие мастерской получено?

— Конечно, спасибо господину старосте, замолвил слово.

— Ну, то-то, — буркнул Губан и вышел из комнаты.

Каждый раз, когда в дом приходили полицаи, фашистские солдаты или кто-либо из посторонних, Еремеева с Родионовым предупреждали об опасности жена хозяйина или дочери. Ремонт оружия в мастерской продолжался...

* * *

Как только Немков узнал, что фашистские солдаты выехали из здания школы, сразу же стал готовиться к переносу радиоприемника к себе в дом. Мешало одно препятствие. В саду школы все еще стояло несколько крытых автомашин с грузом, а около них днем и ночью ходил часовой. Подумав, Александр решил привлечь к этой операции Мишу Васильева: тот ежедневно ходил к школе за дровами и уже примелькался часовым.

Усевшись на лавку напротив школы, Немков внимательно наблюдал, как Миша, пройдя мимо часового, подошел к штабелю дров, набросал в мешок поленьев, подошел к дому. Когда Миша проделал это дважды, Александр подошел к себе и предупредил:

— Сейчас я отвлеку часового, а ты забеги в физкабинет, сунь в мешок радиоприемник, а поверх наложи дров и тащи ко мне в дом.

— Понял, сделаю, — улыбнулся мальчик и пошagal к школе. Немков же пошел к противоположной стороне школьного сада. Только подошел к изгороди, как услышал резкий окрик: «Хальт!»

Остановился. Подождал, когда часовой подошел к нему поближе, заговорил:

— Я монтер. Господин офицер приказал проверить линию до Морино. Хочу ему доложить.

— Никс форштейн, — ответил часовой и помахал автоматом, давая понять, чтобы Немков возвращался обратно.

— Ну что ж, раз сегодня нельзя, то доложу завтра, — проговорил Немков и, увидев, что Миша с мешком за плечами вышел на улицу, пошел прочь от часового.

У себя дома Александр застал Мишу, торопливо спросил: — Принес?

— А как же, — с гордостью ответил мальчик и, вынув из мешка приемник, добавил: — Вот он.

— Давай-ка посмотрим, что в нем неисправно. — Немков взял приемник, поставил его на стол, стал внимательно осматривать.

— Да, в этой чертовщине я ничего не смыслю — заметил он и попросил Мишу: — Сбегай-ка за Родионовым, он мастер по радиоприемникам.

Мальчик выбежал из дома. Вскоре вернулся. Вслед за ним вошел Родионов.

— Посмотри-ка, Федор, нельзя ли его отремонтировать, — указывая рукой на приемник, попросил Немков.

Родионов внимательно осматрел приемник, ответил: — Попробую наладить, но без батарей он все равно не заговорит.

— А если я аккумулятор с разбитой автомашины принесу? — предложил Александр.

— Можно и аккумулятор, — согласился Федор, — перенесем все к нам в мастерскую, там я и попробую его оживить.

— Запомните, — предупредил Немков Мишу и Родионова, — о приемнике никто не должен ничего знать.

...Уже несколько дней колдовал над приемником Родионов. Казалось бы, все что надо припаял, поставил на свое место, а он все молчал. В мастерскую зашли Василий Федорович Еремеев с женой, вслед за ними в дверь прокочили две их дочери.

— Ну как, все молчит? — спросил Еремеев.

— Молчит окоянный. Все, вроде, на месте, лампы накаливаются... Аж зло берет, — и Федор с раздражением хлопнул рукой по корпусу приемника. В нем что-то пискнуло, а затем раздались четкие и громкие слова диктора: «Говорит Москва! Передаем сводку Совинформбюро...»

(Продолжение следует.)

Волотовское подполье

(Прод. Нач. в №№ 27—32)

Все находившиеся в мастерской застыли в изумлении. Лишь Машенька бросилась к двери и скрылась за нею. И вдруг на улице раздался ее тоненький голосок: — А у нас радио заговорило, а у нас радио заговорило!

Взрослые в ужасе переглянулись. Екатерина Васильевна выбежала на улицу, схватила дочь под мышку, принесла в дом.

— Где ты радио услышала, Машенька? — испуганно спросил ее отец.

— А сейчас говорило, папочка, разве не оно?

— Это же не радио, — вмешался Родионов, — это патефон заговорил. Я его ремонтирую. Видишь, пружина в нем неисправна, — и он показал ей какую-то папавшуюся под руку пружину.

— А я думала это радио, — с разочарованием вымолвила девочка.

— Запомните, доченьки, ни, какого радио у нас нет и не было. А это патефон.

С этого дня Родионов почти ежедневно стал принимать и записывать сводки Совинформбюро и передавать их Александру Немкову, а Нина Павловна Васильева, Мария Михайловна Волкова и Татьяна Ефремова размножали их и распространяли по населенным пунктам района.

* * *

К Немкову пришел руководитель подпольной группы Иванов. Поздоровавшись, спросил:

— Правда, что ты в лесу нашел тол?

— Конечно, а что?

— Много?

— Килограммов пятнадцать-двадцать будет.

— А запалы?

— Вот их-то и нет.

— Жаль. А то бы мы фашистам «праздничек» устроили.

— И устроим.

— Без запалов-то?

— Придумаем что-нибудь. Ведь Василий Федорович в гражданскую воевал, а Родионов в эту.

— Сходи-ка за ними. Может, и верно что подскажут.

Немков оделся и вышел. Вскоре вернулся. Следом за ним вошел Еремеев, через некоторое время и Родионов.

— Вст что, товарищи, — обратился к ним руководитель группы, — мы достали тол, но нет взрывателей. Подскажите, чем их можно заменить.

— Я, кроме винтовки, никакого другого оружия не имел, — проговорил Еремеев и посмотрел на Родионова.

— Я тоже, — вставил Федор и добавил: — Но слышал, что тол можно взорвать с помощью гранаты.

— А как? — спросил Немков.

— Черт его знает — как, самого я никогда этого не делал...

— Поручаю Немкову и Родионову продумать, как можно устроить взрыв тола на расстоянии, — твердо заговорил Иванов, — и обязательно проверить свой метод на практике, где-нибудь в глухом лесу, а затем доложить мне. Поняли?

...Ночь. Безлюдная улица в Должино. Из дома Немковых вышел в накинutom на плечи полушубке Александр. Внимательно осмотрев улицу, вернулся. Сразу же из дома вышел Васькин. Приподняв воротник полушубка, он решительно зашагал по улице. Пройдя метров пятьдесят, Павел Афанасьевич увидел впереди идущих ему навстречу двух мужчин. Они курили, в полголоса переговаривались. Это были староста Егоров и агент Молоткова Сотов. Когда Васькин прошел мимо них, Сотов спросил у Егорова:

— Кто это? Ты его знаешь?

— По-моему, он не из нашей деревни.

— Проверим, — проговорил Сотов и бросился вслед за Васькиным. Нагнав, схватил за плечо и прохрипел: — Документы!

— Пожалуйста, — спокойно ответил подпольщик и, размахнувшись, резко ударил кулаком Сотову в челюсть. Тот кубарем отлетел в сторону и распластался на снегу. Васькин побежал к стоящему у дороги сараю. Егоров же бросился к Сотову, помогая тому встать, громко прошипел:

— Это он... Васькин... Я его узнал...

— Задержать! — прокричал Сотов и, побежал вместе с Егоровым за Васькиным.

Видя, что его преследуют, Павел Афанасьевич вбежал в сарай, захлопнул за собой дверь, потом, выбравшись с противоположной стороны, скрылся за ближайшим домом. К сараю подбежали преследователи. Сотов, вынув из-за пазухи наган, обежал вокруг сарая, стал напротив двери, приказал Егорову:

— Беги за урядником, да винтовки прихватите, я покараю...

Егоров потрусил к дому урядника.

* * *

Прошло более недели. Среди неотложных дел Васькин не забывал о готовящейся диверсии, с нетерпением ожидал связного. И когда он появился с донесением, торопливо раскрыл пакет и стал читать:

«...Настоящим ставлю в известность, что на станции Волот находятся постоянно 70—80 человек, имеются 10 пулеметов, зенитных батарей нет. На разъезде Мяково охрана постоянно 15—20 человек, зенитных батарей тоже нет. От Волота до разъезда Мяково железная дорога охраняется очень слабо.

Немцы в деревнях раздвигают население... отбирают валенки, полушубки и тулупы, отчего растет недовольство среди населения. Кроме того, был случай в деревне Рно Волотовского района: четверо немцев изнасиловали молодую девушку. У людей, которые преданы Советской власти, иногда создается недовольство тем, что прилетают наши самолеты и бомбят с громадной высоты, в частности разъезд Мяково, где можно спуститься ниже и бомбить без промаха и без ущерба для самолета.

(Продолжение следует.)

Волотовское подполье

(Прод. Нач. в №№ 27—33.)

Но есть случаи, когда население воскидается действиями наших самолетов, в особенности ночью при свете спускающихся на парашютах осветительных ракет. Этот случай был в декабре в городе Дно, когда наш советский самолет при свете ракет бомбил без промаха, после чего трое суток возили немцев, одно мясо, так удачно была пущена бомба в бывший магазин «Спайка», в котором жили немцы.

...В деревнях Березовка, Вояжа, Дергалец, Пуково, Б. Гривы, Базино, Средняя, Кр. Путиловец (Колжово) немцев нет.

Доклад тов. Сталина пространен по деревням Дергалец, Ручьи, Пуково, Базино, Средняя, Н. Петрово, Б. Гривы, Должино, Соловьево Волотовского района и в деревнях Волны, Берестище, Глухо-Горушка, Крутец, Юково... Дновского района. В деревнях Должино доклад тов. Сталина проработало около половины населения деревни... После проработки которого поднялся дух у населения, т.е. воскресла надежда на победу над германцами...

Ива.

Прочев, Васькин спросил:
— Иванов что-нибудь еще велел передать?

— Да, он просил сказать следующее: «От Волота до разъезда Мяково охрана слабая. Здесь наилучшее место... К операции все готово. Просим разрешения».

Васькин твердо сказал связному: — Передай Иванову: операцию «Взрыв» разрешаю.

* * *

К дому Василия Еремеева подъехали развалыни. С них слез высокий сутуловатый мужчина лет сорока. Это был Осип Багов — подпольщик из деревни Сельцо. Привязав к дереву лошадь, он подошел к двери и постучался. Вышел хозяин дома. Багов, поздоровавшись, сказал: — Слышал, что хочешь купить лошадь. Могу помочь.

Это был пароль. Василий Федорович ответил условной фразой: — Да, хочу обзавестись настоящим конем, а то у меня ни то и не се.

У Еремеева действительно была лошадка очень маленького роста, но он был ею доволен и не собирался покупать новую.

— С чем пожаловал, Осип Васильевич?

— Привез три мешка гороху. Велено оставить у тебя. Куда сгрузить?

— Заезжай во двор, скинем в сарай.

Прикрыв в сарае мешки сеном, Еремеев предложил:

— Заходи в дом, перекуй сим.

— Некогда. В Дно на рынок тороплюсь.

— Что купить-то хочешь?

— Махорки, да соли. И того и другого как можно больше, — подмигнув Еремееву, Багов сел в развалыни и дернул за вожжи.

— Понятно. Желаю успеха.

Осип Багов торопился на рынок по заданию Васькина. Ему было поручено не только купить махорки и соли для партизан, но и собрать дорогой сведения о фашистских воинских частях, их складах и аэродромах в Дновском районе. Такое задание он получал от Павла Афанасьевича уже не первый раз и всегда своевременно и точно их выполнял.

В тот день он встретился по поручению Павла Афанасьевича с Василием Федоровичем Еремеевым, как с подпольщиком, впервые.

У Василия Еремеева в сарае помимо привезенного Баговым гороха были спрятаны несколько мешков муки, привезенной Александром Немковым и Федором Родионовым из Большегравской мельницы. Как горох, так и мука были конфискованы подпольщиками у предателей Родины.

(Продолжение следует.)

Волотовское подполье

(Прод. Нач. в №№ 27—34.)

На другой день рано утром, воспользовавшись тем, что фашистских солдат в деревне не было, а староста и старший полицейский уехали в Волот, Василий Федорович погрузил на сани отремонтированное оружие и продукты, сверху прикрыл их сеном и вместе со старшей сестрой Немкова — Анной Ивановой отвез все в лес партизанам. Обратившись в деревню вернулись с возом березовых дров.

Жители деревень старательно прятали от гитлеровцев скот, хлеб, картошку. Они

хорошо знали о наказаниях, однако поддерживали народ нах мстителей всем чем могли.

... Ночь. Окраина деревни Горки Ратицкие. В стороне на бугре чернеет скотный двор, превращенный гитлеровцами в ремонтную мастерскую, впритык к нему — длинный сарай. Через кустарник, окружающий эти строения, кто-то медленно и осторожно ползет к скотному двору. Метрах в пятнадцати от строения человек замер, долго всматривался в темноту. Тихо кругом. Неожиданно возле скотного двора раздался окрик

на немецком языке. Сразу же последовал ответ.

Человек в кустах, а это был председатель колхоза «Красный путь» Арсентьев, прижался к земле. На фоне неба он разглядел силуэты трех фашистских солдат. Они стояли около двора, негромко между собой разговаривали. Вот вспыхнула спичка, и Арсентьев на мгновение увидел лицо прикуривающего папиросу. Вскоре двое ушли в деревню, а оставшийся солдат стал медленно прохаживаться перед дверью, затем прислонился к ней спиной и замер. Понаблюдав еще, Ар-

сентьев пополз через кусты вокруг строений к задней стенке сарая. Здесь, найдя дыру, пролез через нее в сарай. Внутри было темно и тихо. Он чиркнул зажигалкой. Неяркий огонек сразу осветил стоявшие здесь груженные чем-то автомашины, железную бочку с какой-то жидкостью.

Арсентьев сунул в нее пальцы, понюхал. Пахло соляркой. Взяв ворох тряпок, лежавших около бочки, сунул их в жидкость, загасил зажигалку и стал осторожно опрокидывать бочку на бок. Солярка, тихо журча, потекла под машины. Вынув из кармана флягу с керосином, он обрызгал стену и автомашину. Затем, нащупав мокрые тряпки, поволок их к дыре в стене. Для верности,

выложил в ряд и порохи соломины, прихваченные собой. Вылез наружу, руку с зажигалкой в поджиг тряпки и, убедившись, что огонь пополз к машине, пригнувшись к земле, пошел к кустарнику. Отметров сто, остановился, посмотреть назад. В том месте где стоял сарай, на мелькнул оранжевый пламени и исчез. Через несколько секунд пламя вышло из сарая наружу и полыхало над крышей. В скотного двора прозвучал один за другим несколько выстрелов. Послышались крики на немецком языке. Арсентьев бросился бежать рез кустарник все дальше от полыхающего жара...

(Окончание следует.)

Волотовское подполье

(Оконч. Нач. в №№ 27—35.)

Василий Федорович Еремеев в тот день занимался во дворе по хозяйству. Вдруг он увидел бегущую к нему испуганную жену.

— Вася! — торопливо говорила она, — арестовали Нину Павловну с Мишей, Таню Ефремову, к нашему дому идут...

Еремеев вздрогнул, выглянул на улицу. На дороге увидел несколько саней с людьми, а на тропке шагающих к его дому карателей. Он быстро поднялся на крыльцо, с силой захлопнул дверь и запер ее изнутри на засов. Поднялся на сеновал, выхватил из тайника, сделанного в соломенной крыше, карабин, привычно щелкнув затвором, загнал патрон в ствол, нацелился.

— Еремеев! — раздался окрик полиция, сопровождавшего карателей, — не дури! Окажешь сопротивление, господи немцы сожгут дом, да и семьи не пощадят. Выходи!

Представив, как фашисты расправляются с его семьей, Василий Федорович заколебался. Медленно опустили руки с карабином. В голове билась тревожная мысль: «Как быть? Как спасти жену и детей?»

Нехотя сунул карабин обратно в тайник. Открыл дверь. Вышел на крыльцо.

— Вот так то лучше, — проговорил довольный полицай и подтолкнул арестованного прикладом в спину.

Когда Еремеев подошел на улице к саням, вдруг почувствовал в своей ладони чью-то маленькую теплую ручку. Обернулся и замер. Его любимица дочь — Тамара прижималась к его боку и испуганно заглядывала в лицо. Василий Федорович при-

поднял ее от земли, поцеловал и тихо проговорил:

— Беги, доченька, домой. Скажи, что я велел всем вам слушаться маму...

Один из карателей толкнул его на сани. Кони рванулись вперед, увозя арестованных в Волотовскую комендатуру.

Тамара попыталась бежать рядом с санями, в которых увозили отца, но споткнулась, заплакала от обиды, и, сидя на снегу, тоскливо смотрела, как вереница саней скрывалась за поворотом.

* * *

Волотовцы отважно сражались с фашистскими оккупантами не только в партизанских отрядах и подпольных организациях, но и на фронтах Великой Отечественной войны, в рядах Советской Армии. Летчику — Якову Матвеевичу Иванову, уроженцу деревни Костыгово, за мужество и отвагу в боях с фашистами посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Боевыми орденами и медалями награждены многие волотовцы. Среди них Николай Федорович Лыжов, Михаил Федорович Федотов, Анатолий Федорович Кузнецов, Михаил Семенович Окунев, Семен Дмитриевич Панфилов, Василий Васильевич Тимофеев, Александр Федорович Каленов, Александр Дмитриевич Прокофьев и многие другие. Сейчас в районе живут около 400 участников Великой Отечественной войны. Некоторые из них еще трудятся на производстве, многие, хотя и на пенсии, оказывают посильную помощь совхозам района, участвуя в заготовке кормов, уборке урожая и в других работах.